ОКТЯБРЬ 1928 г. № 40 ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

Рис. М. Черемных

Английское правительство обеспокоено неудовлетворительными отношениями с Америкой.

МИР ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!..

Рис. А. Р.

ЗАЛЕССКИЙ: — Польша хочет мира, во всяком случае — добрый кусок его!

БРЮКИ КОММУНИСТА СОКОЛОВА

Брюки были шерстяные, темно-серые, в полоску. Хозяин их,— заведующий общим отделом главного Горно-топливного и геолого-геодезического Управления ВСНХ СССР, тов. Соколов, первый раз их надел, когда выехал из Москвы в качестве секретаря по обследованию Донбасса.

В дороге с брюками ничего плохого не случилось. Но в Харькове, когда Соколов проходил по Совнаркомской улице, неожиданно налетел на него велосипед и темно-серым пришлось худо: у правой штанины, ниже коленной чашечки, образовалась дыра в вершка три.

Соколов грозно посмотрел на велосипедиста и предложил немедленно позвать милиционера, составить протокол и получить наличными за разорванные брюки. Собравшаяся толпа сочувственно гудела в пользу пострадавшего:

— Ноги обломать надо за такие штуки!

— Тридцать рубликов пускай за них выложит, тогда будет знать!

Названная сумма Соколову очень понравилась, и он категорически заявил:

— Тридцать рублей и ни копейки меньше, — иначе позову милиционера.

Велосипедист предложил отправиться к нему на квартиру, где, во-первых, он примет меры к немедленному ремонту брюк и там же в спокойной обстановке сторгуются.

Соколов согласился.

Пока брюки чинила в соседней комнате какая-то женщина, велосипедист говорил пострадавшему:

— Войдите в мое положение... Нет у меня 30 рублей...

— Меня это не касается. Ни копейки меньше!

— Я не нэпман, — уговаривал велосипедист. — Вот мой профбилет, вот мой пропуск в ЦК с фотокарточкой... Я комсомолец... Фамилия мне Малик... Нет у меня 30 рублей...

— Меня это не касается...

— За пять рублей любой портной так хорошо починит ваши брюки, что никто и не заметит...

— С какой стати?! — возмутился Соколов. — Я, секретарь правительственной комиссии, стану носить чиненные брюки! Не желаю! Тридцать рублей об это место или будем конфликтовать!

— Поймите... Если будем судиться... Пока будет суд, пройдет месяца два. Вам придется снова приезжать в Харьков... — уговаривал комсомолец.

К этому времени брюки были починены. Соколов, вздохнувши тяжело, надел их и, взяв со стола документы комсомольца Малика, положил их в карман и сказал:

— В Харьков приезжать мне снова не придется, за мной стоит весь аппарат Дон-угля... А документики ваши, и профбилет и пропуск с фото-карточкой я с собой заберу. Принесете тридцать рублей, так получите их обратно. Нет, — не надо!

Малик запротестовал:

— Я не могу давать никому своего пропуска в ЦК... Вы не имеете права захватывать мои документы... Я не могу вам доверять...

— Я член правительственной комиссии, плюс еще коммунист, так что не верить мне смешно!

И, написав свой адрес: «Красная гостиница, № 115, 3-й этаж», — Соколов ушел.

На следующий день в 9 часов утра Малик пришел в № 115:

— Товарищ Соколов, я — комсомолец, вы — член партии. Поймите меня: нет у меня 30 рублей. Я учусь в ВУЗ'е, вынужден работать... Возьмите 5 рублей? А?

— Ни копейки меньше! Чепуха! Захотите, — можете достать 30 рублей. Можете взять аванс, одолжить у товарищей.. Спешите, — в час ночи я уезжаю в Донбасс и будет поздно.

***

Малик в отчаянии. Малик бежит к своему товарищу Бродскому:

— Что делать?

— Пойдем вместе к Соколову, — советует Бродский, — уговорим его взять пятерку. Как-нибудь уломаем, все-таки, — он партийный... И оба они побежали в гостиницу.

К 12 часам Соколов сжалился и сбавил цену:

— 20 рублей и ни копейки меньше.

Еще немножко поторговались и сошлись на 15 рублях. Соколов возвратил документы Малику.

Когда деньги были вручены Соколову, то товарищ Малика— Бродский заметил:

— И вам не стыдно, как члену партии, брать деньги у комсомольца за такой пустяк?

Соколов вынул из своего портфеля тысячерублевый аккредитив и гордо произнес:

— Мне, собственно говоря, деньги не нужны, вот мои деньги... Но принципиально... И то только, принимая во внимание ваше комсомольское происхождение, согласился на пятнадцать...

И, должно быть, согласно той же «принципиальности», Соколов написал на бланке своего блокнота:

«Коменданту Ц. К. К. П. Б. (У).

От секретаря комисии президиума ВСНХ СССР по обследованию Донбасса.

Вчера меня по Совнаркомской ул. сшиб велосипедом один из ваших сотрудников, тов. Малик. В результате падения у меня разорваны новые брюки, которые стоят 30 рублей. Тов. Малик полную стоимость изорванных брюк возместить отказался и дал мне только 15 рублей. В виду того, что новых брюк за 15 рублей купить не могу, прошу вас распорядиться выдать мне 10 рублей, с тем, что вы эту сумму вычтете из жалованья тов. Малика.

С ком. приветом Член ВКП (б) № 0058449».

Комендант ЦККПБ (У) на заявлении написал сбоку:

«Выдать десять рублей».

Б. Левин

Текст В. Ардова и Л. Никулина.

„МЫ, ИДЕОЛОГИ..“

(Кадры из комедии).

Рис. Г. Эфроса

В удобном кресле своего солидного кабинета сидит литературный критик профессор Хватов. Красное дерево и кожа мебели, книжные шкафы вдоль стен, картины в толстых рамах, фотографии, письменный прибор на столе из сорока трех мраморных предметов — все это очень уютно, прочно и, наверное, находится в этой комнате не первые десять лет.

«.. Я иду по большой дороге, а мимо везут навоз...»

Итак, Хватов сидит в удобном кресле: за столиком маникюрша и отделывает его, Хватова, ногти. Будь маникюрша несколько пополнее, ее можно было бы счесть барынькой, зашедшей с визитом... тоже лет десять тому назад. Но так как она худа, и десять лет эти истекли — о чем больше всего говорит запыленная и изношенная шляпка — то ясно, что перед нами так называемая бывшая «дама общества», ныне принужденная своим трудом... и так далее.

За письменным столом, любезно предоставленным хозяином, расположилась стенографистка — особа гораздо более энергичная; в туалете ее заметна дань контрабанде. Однако, обиженно поджатый рот и напряженные брови также выдают в ней «бывшую», принужденную и так далее...

Рассеянно поглядывая на сложную работу по возделыванию его конечностей, Хватов диктует:

«...И только тогда мы удержим командные высоты современной литературы. Точка. Так называемые классики литературы прошлого — литературные дворяне — плоть от плоти, кость от кости — от белой кости своего класса...»

Телефонный звонок прерывает профессора; он, не подымаясь с места, берется за трубку:

— Вас слушают. Кто говорит? Казимир Карлович? Добрый день. Вы читали июльскую книжку нашего журнала? Ну-ну? И что же?.. Да! Вы правы! Все те же: Петров, Сидоров, Карпов, Рабинович... Примелькавшиеся имена. С этой именщиной вообще надо бороться.. Задача момента — открыть новое имя и из нашего класса. Что-нибудь такое черноземное в смысле от станка. Да, да, да... Вот мы с вами говорим, думаем, гадаем, а, может быть, эта новая сила стучится в мою дверь! Найти ее, выявить, присутствовать при рождении таланта — вот мечта моей жизни. Да, да. Будем надеяться... А что слышно там, в Кремле? Василий Семенович смотрел июльскую книжку? Ну, разумеется, ему некогда... А так хотелось бы знать руководящее мнение... Ну, привет. (Опускает трубку на рычаг). На чем мы остановились?

СТЕНОГРАФИСТКА. «Классики от белой кости своего класса»...

ХВАТОВ. Ага. Дальше: «с классищиной надо бороться. Мы, марксисты, идеологи пролетариата...»

МАНИКЮРША. Пардон, Александр Александрович... Вы любите розовый лак для ногтей, не правда ли?

ХВАТОВ (оглядывает ногти, вертя рукой). Мы, идеологи... гм... а нельзя ли лак красный?

ХВАТОВ. Н-да... Однако, продолжим. Мы, марксисты и идеологи...

Обе женщины принялись за работу. Профессор мямлит слова, которые должны звучать, как «железные». И вдруг где-то очень близко кричит прислуга:

— Какие еще звонки? Какие звонки?! Нету у нас никаких звонков!

Хватов недоуменно пожимает плечами и зовет прислугу.

— Луша, что за шум? Почему — шум, когда я работаю? Эту шумовщину надо прикончить!

ПРИСЛУГА. Да там пришел какой-то, говорит, его послали звонки чинить.

ХВАТОВ. Ну и что же? Пусть чинит.

ПРИСЛУГА. Да кто это его посылал еще? Да, может, он — шарамыжник? Гнать таких надо.

ХВАТОВ. Луша, будьте деликатней с трудящимися. Позовите его сюда.

ПРИСЛУГА. Да, поделикатнее... А потом, что пропадет, с меня спросят. (Открывает дверь и зовет). Ну, иди, иди!

Входит Тараканов — обладатель напористого баритона. У него сытое лицо, и в костюме заметно желание всячески походить на рабочего. Фатовская кепка, обшитая ремешками и позументами, под простой и очевидно одолженной курткой; чересчур тщательно выутюженные брюки модного фасона «чарльстон».

ТАРАКАНОВ. Здрассте, гражданин, здрассте.

ХВАТОВ. Добрый день... (Он отнимает руку у маникюрши и останавливает стенографистку). Повременим, Алла Николаевна... Мы вам не помешаем работать, товарищ?

Тараканов несколько раз нажимает кнопку настольного звонка; слышен звон, — следовательно, звонок исправен.

ПРИСЛУГА. Вон ведь звонок-то работает.

ТАРАКАНОВ. Да, работает... А отними палец,— не работает. Тут делов... Стремянка у вас есть? (Оглядывает комнату, плохо симулируя наивное удивление). Книг-то у вас, книг!.. Наука и техника.

ХВАТОВ. Луша, принесите стремянку. (Подходит к Тараканову, пряча отделанную руку за спину). А вас интересуют книги, товарищ?

ТАРАКАНОВ (как-бы отрываясь от работы). Определенно. Это что же — политика?

ХВАТОВ. Нет... История литературы, поэзия. Вы знаете такое слово?

ТАРАКАНОВ. Мерекуем... Этот провод у вас туды идет?... Я и сам, извиняюсь, пописываю.

ХВАТОВ. Вероятно, в своей стенгазете? (Однако, прячет руку, уже украшенную маникюршей, в карман и делает знак обеим женщинам. Те уходят).

ТАРАКАНОВ. Да нет, не в стенгазете... Стихи пишу!

ХВАТОВ. Да что вы? Стихи? Занесите как-нибудь...

ТАРАКАНОВ. Да что тут заносить... Они у меня все здесь!

ХВАТОВ. Ну что ж, прочтите...

ТАРАКАНОВ (вынимает из кармана бумажку, откашливается и декламирует нараспев с ужимками):

Я иду по большой дороге,
А мимо везут навоз.
Я хочу, чтобы эти дороги
Заменил электровоз...
И за этот, за белый уголь
И в избушке ацетилен —
Заметай меня, снег-ли, вьюга-ль,
У Кремлевских каменных стен!

— Есть! Что есть? Новое имя! Чернозем от станка!!

Хватов присел, барабанит пальцами одной руки по другой. И постепенно он переходит от безразличия к вниманию, удивлению и восторгу. Когда Тараканов кончил, он тяжело дышит.

— Дайте сюда! — говорит он и выхватывает бумажку. — Сильно... Глубоко... Очень сильно... Ваша фамилия?

— Тараканов.

— Год рождения?

— Девятьсот шестой.

— Социальное положение?

— Так вот — монтер...

ПРИСЛУГА (входит.) Ну, вот дочинился: работал звонок, а теперича — нет!

ХВАТОВ. Луша, оставьте нас! Ваше происхождение... Ну, ясно. Член профсоюза? Ясно. Общественник? Ясно... Ну, поздравляю. Вы...

ТАРАКАНОВ. Я?..

ХВАТОВ. Талант!

ТАРАКАНОВ. Талант?

ХВАТОВ. Талант! Это говорю я, Хватов. Вы знаете, кто такое — Хватов?

ТАРАКАНОВ. Еще бы... У нас на предприятии знают...

ХВАТОВ. Ну, вот... Вы — Пушкин. Нет, вы — Некрасов! Нет, вы — Безыменский! А, может быть, вы — Верхарн. Вашу руку! (Протягивает руку, отделанную маникюршей, но убирает ее и подает левую руку). Стихотворение идет. Да! и снимитесь у хорошего фотографа. Да! приготовьте биографию. Да! завтра в два часа в редакции. Адрес в телефонной книжке. До свидания.

ТАРАКАНОВ (уходит). До свидания...

ХВАТОВ (подымает телефонную трубку). Верхний коммутатор. Да. Товарища Таль! Казимир Карлович?.. Есть! Что есть? Новая сила. Новое имя. Чернозем от станка! Монтер! Некрасов! Безыменский! Верхарн! Пушкин! Фамилия Пушкина? Николай Тараканов...

Занавес.

...За столом сидит маникюрша и отделывает ногти Хватова.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ХВОСТЫ

Рис. Б. Малаховского

Заседания англ. конгресса профсоюзов охранялись от безработных отрядами конной полиции.

— Я не понимаю, как можно говорить о неуспехе нашего конгресса, — посмотрите, какие около него хвосты...

ПРОТИВОЯДИЕ

Нет, положительно, совместная жизнь под одной крышей с Перчихиными стала невозможной! То - ли стенки в доме были сделаны из папье-маше, смазанного для отвода глаз известкой, то - ли перчихинские дети поставили себе главной целью в жизни— перекричать пароходную сирену, но уже с утра соседи Перчихиных — Астровы не знали, куда бы скрыться.

— Са-анька! Опять ты, дьявол, в варенье лазил?

— Это не я-я-я-я!!! Ма-аамка!!! Это Ка-атькаа!

— Ах, Катька! Так на тебе, на! Это за Катьку, это за ложь, это за варенье!!!

Плач, рёв, стон, вой... В перепалку вступает отец.

— Не смей, Ольга, при детях дискредитировать мой отцовский авторитет! Они меня уважают, потому что я не такая истеричка, как ты. Ты их губишь, вот что!

— Папка мамку кроет! — неожиданно орёт Санька из-под кровати. — Ку-ку! Ку-ку-у-у!..

— Молчать!!! Марш из-под кровати!

Вот отрывок из трудового дня семьи Перчихиных. Напрасно муж и жена Астровы умоляли, требовали, грозили, — ничего не помогало. Скандал у соседей развивался по раз на всю жизнь заведенному плану, который исполнялся точнее всякой пятилетки.

Но отчаяние рождает гениев! И, впавши в отчаяние, Астров нашел выход из положения.

Как-то в момент, когда перчихинская джаз-банда исполняла свой самый шумный шумовой номер, Астров, как бы невзначай, сказал жене:

— Сегодня меня на службе спросили, не знаю ли я человечка на место кладовщика. Рублей полтораста жалования. Крайне срочно нужен такой человечек.

— Да! — задумчиво сказала жена. — Где бы достать такого?

— Тише ты, зараза! — бросил вдруг Перчихин жене. — Замолчи. Тут, кажется, дело есть!

— А мне вчера предложили заграничные чулки по два рубля!— сказала Астрова. — Ну, я, Коля, взяла себе дюжину, а остальные с удовольствием уступила бы кому-нибудь по своей цене.

— Эй, детишки, тише вы! — прошипела Перчихина.

— Да. А знаешь, на Советской улице детям теперь футбольные мячи даром раздают! — отчетливо произнес Астров. — Комиссия по охране детей от матерей выдает чудные мячики.

Перчихинские потомки вылезли из-под кровати и в экстазе раскрыли рты, не смея шелохнуться.

— Эх, где бы мне найти кладовщика! Заграничную командировку этому кладовщику обещают! С подъемными. Для изучения иностранных... кладовых! — таинственно шептал Астров.

У Перчихиных была мертвая тишина. Четыре правых уха (двух взрослых и двух детей) были крепко прижаты к фанерной стенке. Восемь разгоряченных жадных глаз, не мигая, впились в одну точку. Каждое слово соседей что-то обещало и интриговало.

Астровы почувствовали себя в раю, если, конечно, рай вообще мыслим в коммунальной квартире.

А на-завтра, не успели еще Перчихины продрать глаза, как Астровы уже приобретали новое противоядие:

— Детям до шести лет будут насильственно навязаны коньки...

— В Гуме отпускают швейные машины со скидкой в 102%...

— Для борьбы с водкой в пивной напротив каждому посетителю от 8 до 9 вечера отпускается пиво в долг...

За стеной было тихо, как в гробу...

М. Коварский

БУДНИ

Докладчик, комнатный жилец из квартиры № 7, разгладил на столе лист исписанной бумаги и оглядел членов ЖАКТ'а.

— Граждане, я в порядке личной инициативы... Мы загромождаем работу милиции мелкими дрязгами обывательских будней. Кто-то кому-то плюнул на ботинок. Пострадавший, т.-е. владелец ботинок, тщательно оберегая вещественное доказательство — плевок, вызывает для составления протокола милиционера, причем к моменту прибытия последнего плевок на ботинке успевает высохнуть. Граждане, я предлагаю организовать Друпо — общество друзей порядка. Разрешите зачитать примерный устав общества.

1. *В порядке строгой очереди каждый член Друпо несет дежурство в ЖАКТ'е.*

2. *Обнаружив лежащего на дворе или у ворот дома пьяного жильца, дежурный член обязан доставить опьяневшего домой, взяв опьяневшего под мышки при содействии дворника, несущего ноги опьяневшего.*

Примечание. На следующий день дежурный член обязан навестить алкоголика с целью нравственного внушения, имея при себе рисунки в красках с изображением печенок и селезенок алкоголиков.

3. *При драке супругов дежурный член заслоняет слабейшего: если сильнее муж — дежурный заслоняет жену, если сильнее жена — дежурный заслоняет мужа.*

Примечание. На побои следует отвечать: «Успокойтесь, выпейте воды» и прочее.

4. *Дежурный член обязан не допускать сечения детей родителями, появляясь в квартире при первых криках ребенка.*

Примечание. Розги, ремни, подтяжки и прочие орудия сечки безусловно конфискуются.

5. *Запрещается вызывать дежурного члена: а) к поперхнувшемуся, б) для разнятия дерущихся собак, в) для поимки мыши, г) при пролитии чужого молока, супа, д) при разбитии чужого стакана, тарелки, блюдца.*

6. *Друпо ведет месячную отчетность по форме:*

Примирено супругов . . . .
» жильцов . . . .
Рознято дерущихся . . . . .
Взято под мышки пьяных . . .
Нравственно воздействовано . .
Пресечено детсечений . . . . .
Конфисковано розог, подтяжек . .

Докладчик сложил бумажку и поднял голову. Комната была пуста.

К. Мазовский

ЗЛОДЕИ

Горком эстрады устроил «показательный суд» над куплетистом, нанявшим стенографистку для записи чужого репертуара».

Из газет

Его безусловно
Признали виновным.
Ну, можно-ли делать такие
оплошности!

Как это низко!
Стенографистку —
Заставить фиксировать разные пошлости!

М. Тименс.

БЫВАЕТ.

— А у нас в вузе все сдают экзамен, играючи!

— Такая хорошая подготовка?

— Нет! Просто наш вуз — консерватория!

ЯД

Яд, принятый в слишком большой дозе, перестает быть ядом. Он сам по себе становится противоядием.

Так говорит наука.

**
*

Бабы стояли перед лавкой Центроспирта и смотрели, как с воза сгружали огромные четвертные бутылки с задорными красными петушиными головами.

— Вот навезли еще этого зелья! Борются, борются, а вон сколь еще навезли его!

Ждущие пьяницы перебирали от нетерпения ногами и пересчитывали на ладонях бронзовки.

У входа быстро выросла очередь. Наконец, лавка открылась. Первый очередной сунул в окошечко деньги и торопливо сказал:

— Сотку.

Рука из-за решетки отодвинула монеты, а лавочник сказал:

— Соток нет...

— Соток нет! — с ужасом повторили сзади, и сразу растаяло полочереди.

На улице пьяницы долго и спорно сколачивались попарно: на полбутылки. Но из дверей лавки вышел кто-то и об'явил:

— Полбутылок тоже нет!!.

Пьяницы растерянно окаменели.

— На бутылку, — проговорил кто-то. — На бутылку надо сшибаться!.. Что-ж это такое? А потом ее и не поделить!..

Они молчали и думали. У лавочного окошечка было пусто. Приказчик в белом халате от ничегонеделания вышел на крыльцо и, прицелившись глазом на шумевших пьяниц, сказал:

— Зря верещите!.. И бутылок нет! Только одни четверти сегодня доставили...

— Да ты вре-ешь?! — дико вскрикнул кто-то.

— Ничего не вру. Иди, посмотри на стойке.

Кричавший вбежал в лавку, выбежал тотчас же и, хватив шапкой о землю, заикаясь, сказал:

— Ввер-но...

— Это почему-же?! — загалдели все. — Да кто же это четверть сможет купить?! Разве какой шинкарь...

— Три года тюрьмы, да 5 лет высылки,—спокойно подытожил приказчик. — Попробуй!

До самого вечера бегали, суетились пьяницы.

Но на четверть сколотиться не могли никак.

— Эх, раньше то бывало! — мечтательно сказал кто-то, — выпил сотку, пошел еще стрельнул, потом еще и еще... К вечеру и пьян в дым... А теперь...

И, не договорив, с ненавистью смотрел на витрину, где стояли толстые, недоступные четверти...

Вл. Тоболяков

ПЛОДЫ СТАНДАРТА

Стандартные папиросы не пользуются успехом у публики.

Рис. И. Малютина

— Богато стали жить, дьяволы! Бывало, бычка не найдешь, а теперь — целыми пачками бросают!..

НОВЫЙ БЫТ В ДЕРЕВНЕ

Рис. И. Малютина

— Опять Федот на крышу за антенной полез: жену лупить собирается!..

ПАРИКМАХЕР ЖАН КУКУШКИН

Рис. Д. Мельникова

1.

Парикмахер Жан Кукушкин —
Неземное существо,
На макушке — завитушки,
А под ними — ничего!

И пред некою гражданкой,
Общим видом восхищен,
На Таганке, спозаранку,
Размечтался бурно он:

— «Ах, зачем гражданка эта —
Не графиня Фиаметта,
Ну, а я — не Гарри Пиль?!
Подсадил тогда ее-бы
Я с изяществом особым
В голубой автомобиль!

И сказал-бы я шоферу:
— Эй, вези скорей, холера,
Нас в местечко первый сорт,
Где все страсть, как превосходно,
Где все страсть, как благородно!..
Да живей, курносый чорт!..

2.

И с гражданкой этой вместе
В этом самом чудном месте
Мы-бы вышли из авто...
И из этого-бы края-с
Не вернулись, извиняюсь,
Никогда и ни за что!

3.

Там все граждане — такие
Совершенно неземные,
О каких не слышно тут!
Проживают безмятежно
И ругаются так нежно —
Словно — ангелы поют!

4.

Там все граждане — такие
Совершенно неземные,
Что не знают даже, как —
При семейной встрече — сразу
По зубам друг-дружку смазать!
И обходятся без драк!

5.

Там все граждане — такие
Совершенно неземные,
Что из них эфир течет!..
И они, в культурной муке,
Моют шею, моют руки
И полощут даже рот!

6.

Там и пьют-то, словно птички!
Нет у них такой привычки —
Водку жрать день изо дня!..
И с графиней этой вместе
В этом самом чудном месте,
Эх, надрызгался-бы я!!!».

Н. Агнивцев

ИЗ ДНЕВНИКА КЛИМА УНЫВАЛОВА

◈ Заполняя анкету, не вспоминай прошлое, — думай лучше о будущем.

◈ Шумная соседка подобна лысине — никому не нужна, а отделаться трудно.

◈ Всякая жизнь бесконечна. Например, «Жизнь Клима Самгина».

◈ Продавец в кооперативе подобен капризной красавице: всегда отвечает отказом.

◈ Две вещи непостижимы в природе — душа тетерева и закон о квартплате.

ИГРА В КОШКУ И МЫШКУ

НЕКИЙ костромской житель Коробовкин пожаловался редакции местной газеты, что в булке, купленной им в пекарне «Первомайской артели инвалидов», оказалась запеченная мышиная голова.

Костромские пекаря протестуют против помещенной в местной газете заметки. Вот последний наиболее веский пункт этого опровержения.

«Если мышиная голова попала в один кусок хлеба, то туловище попало-бы в другой кусок хлеба кому-либо из покупателей! При том, если мышь попала-бы при помощи кошки в ночное время, то всем известно, что кошка и щука едят свою добычу с головы, а потому из вышеизложенного мы считаем заметку неосновательной.»

О щуке мы знали до сих пор только, то что она, как все рыбы, гниет с головы...

Интересно было-бы исследовать головку костромской «Артели пекарей», — не рыбья-ли она часом?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Меня (имя рек) упрекают в том, что я не даю ходу выдвиженцам: как только кого выдвинут — так я-де его сразу и задвигаю.

Это только так кажется, что я против выдвижения, я за выдвижение. В действительности. Я задвигаю одного выдвинутого товарища только для того, чтобы освободить место для нового выдвиженца. И, таким образом, моя политика есть не что иное, как вовлечение широких масс в администрацию. Понять надо!

И. Сидоров

„НА ПРАВИЛЬНОМ РАСЧЕТЕ“

Рис. И. Малютина

— А вот у нас на заводе все на правильном расчете построено.
— На каком же?
— На рассчете за самокритику!

ФАКИР

На афишах значилось:

> *Красный советский факир П. П. Распопов.*
> *Все чудеса согласованы с Губоно.*
> *Порхающий примус. Внезапный аромат. Мадам на воздусях. Отрубление голов и колотие публики насквозь, а также многое другое.*

После того, как в зрительном зале публика в знак нетерпения полчаса топала ногами, завклубом вынес на сцену три столика, украшенные бахромой. На столиках перекатывались разные вещи, как бы подобранные в комнате, которую оставили жильцы: пузырьки, шпильки, старые игральные карты, поломанный примус.

Затем вышла густо напудренная женщина в куцом платье с блестками. Напылив пудрой, она поправила бахрому и кивнула головой пианисту. Пианист, избегая черные клавиши, заиграл: «Сильва, ты меня не любишь... Сильва! Ты меня погубишь...».

Приблизительно около «погубишь» вышел сам факир в чалме и в толстовке.

Факир поклонился длинным утиным носом и, ни слова не говоря, показал небольшой деревянный шарик.

— Шарик! — произнес чей-то восторженно-хриплый голос в публике.

Факир показал еще два шарика. Тот же голос отметил:

— Другой! Третий!

Факир взмахнул руками и шарики исчезли.

— Нету! — захлебнувшись, констатировал голос. — Иде-ж они делись?

Факир обнаружил шарики у себя под мышкой, затем сделал вид, что проглотил их.

— Заглотнул! — вслух сообразил голос.

В зале похлопали, и факир засунул себе под мышку веер засаленных карт.

После карт темные силы природы помогли факиру извлечь из цилиндра бумажные ленты и живого голубя, проглотить три цветных платка и вырыгнуть их в желательном для почтеннейшей публике порядке.

Явно исполняя пустую формальность, факир скороговоркой произнес:

— Не хотят ли желающие из публики подвергнуться колотию во сне под моим личным гипнозом? — И тут же, без паузы, добавил: — Желающие не хотят, в виду чего сеанс окончен!

И тут, совершенно неожиданно из задних рядов, качаясь, поднялся человек в пальто, надетом на один рукав и волочащемся, как шлейф.

— Желающие пущай не хотят, — сказал он, — а я хочу. На, пнотизируй меня!

И с трудом хватаясь за стулья и плечи зрителей, поплелся на сцену, причем ему на четыре ряда предшествовала густая крепкая струя винного духа.

— Здрассте, — сказал пьяный, — мое фамилие — Дуняхин. Будем знакомы, товарищ факир.

— Попрошу сесть сюда, — официально ответил факир, — граждане из публики, попрошу поближе. Так. Теперь попрошу следить еще внимательней, как я начинаю гипноз!

И факир, засучив рукава, принялся крутить руками перед самым носом Дуняхина.

Пьяный Дуняхин с минуту осовело глядел на исколотые конечности факира, затем, два раза икнув, пустил такой громкий храп, что публика разразилась бешеными рукоплесканиями по случаю блестящего успеха гипнотического внушения.

— Итак, приступаем к колотию, — сказал сильно вспотевший факир, — здесь вы видите обнаковенную довольно длинную шпильку, а здесь вы имеете нижнюю губу загипнотизированного индивидуя. Раз, два, три! И шпилька протыкается в губу!

— Попрошу убедиться во второй шпильке! — сказал факир. — Попрошу убедиться в третьей!

— Не надо! — кричали из разных концов зала. — Верим! Довольно! Буди его! Буди!

Вошедший во вкус факир израсходовал все шпильки со столика, вытащил еще две из волос своей помощницы, одолжил английскую булавку во 2-м ряду, и, только вонзивши все это в мирно храпящего Дуняхина, внял мольбам более чувствительной части зала.

— Попрошу занять места! Сейчас начинается расгипнотизирование!

Публика расселась и слегка успокоилась. Тогда факир вытащил из своей жертвы все шпильки, галантно вернул булавку во второй ряд и снова стал крутить руками перед носом храпящего Дуняхина.

— Проснись! — значительно сказал он через полминуты и небрежно отвернулся, уверенный в могуществе своей воли.

Однако, храп за его спиной только усилился.

— Гмм... Трудный случай, граждане: придется положить еще довольно много гипнозу.

Но и добавочная порция пассов не помогла. Не помогли и более простые способы: факир тряс Дуняхина за плечи, пытался скинуть его со стула, кричал ему в ухо...

Тогда будить загипнотизированного взялся весь зал. Люди вопили, стучали ногами, множество народу перелезло через рампу, чтобы растолкать Дуняхина.

И всем этим добились только того, что загипнотизированный перевернулся на стуле и перестал храпеть.

Тогда взгромоздившаяся на скамью тощая женщина, покрывая шум, провизжала:

— Убили! Убили человека! Кто-ж он есть, покойничек?!

Зрительный зал сразу замолк. И во внезапно наступившей тишине веснущатый мальчишка в задних рядах неожиданно громко сказал:

— Это дяденька Панкрат, с нашей улицы слесарь. Он как напьется, то сейчас норовит спать, а как уснет, так ты его хоть режь, хоть коли, — он все равно раньше как через двое суток не встанет...

Тут загипнотизированный «покойник» захрапел особенно яростно с присвистами сразу на четыре голоса.

В. Ардов

ПОРА БЫ!

Рис. М. Черемных

Пора организовать общественные прачечные!

...И ВСЕ ЕЩЕ—НЕ У РАЗБИТОГО КОРЫТА!..

ДРЕБЕЗГИ

РАСПИСАНИЕ УДОВОЛЬСТВИЙ

ПРЕМЬЕРА любого театра не требует столько рекламы, как очередное испанское восстание. Так, перед последним восстанием, — по словам газет:

«в городе Бильбао по улицам были расклеены афиши с призывом к восстанию».

Недоставало только программок с описанием действующих лиц и предупреждением почтенных зрителей:

«Заговорщики на бис не выходят. В случае болезни одного из заговорщиков, дирекция оставляет за собой право заменить его другим».

УВИДЕЛИ И ПОБИЛИ

КОГДА-ТО Бисмарк, рассердившись на Австрию, пугал:

«Вена еще увидит казаков!»

Пророчество Бисмарка оправдалось.

Недавно в Вену приехала певческая капелла казаков-белогвардейцев, которые, после выступления в цирке, проехали по городу с царскими знаменами. Рабочие Вены избили их и вскоре казаков выселили из Вены.

По этому поводу следовало бы изменить старую пословицу «Терпи, казак, — атаманом будешь!» на более современную:

«Не пой, казак, — избит будешь!»

В ДЫМ!

ПОВИДИМОМУ, не придумана только организованная защита от нападения подводной лодки во время футбольного матча. Остальное все уже предусмотрено. Так, на днях в Беблингене (Германия) произведен опыт с облачной завесой для защиты от воздушного нападения. Несмотря на переменчивый ветер, об'ект нападения оказался совершенно невидимым.

Увидев под собой такую завесу, вряд-ли какой-либо из нападающих летчиков согласится с правильностью утверждения:

— «И дым отечества нам сладок и приятен!..»

НАСЧЕТ РУК

В ОДНОЙ из своих последних речей Кешенден заявил, что англо-американская политика должна быть «политикой бодро протянутых рук».

Фразу эту считаем блестящей, но не вполне законченной, так как точно не сказано, к чему должны быть протянуты руки: к карману или горлу?

ДОБРЕНЬКИЙ КСЕНДЗ

ПОЛЬСКИЙ ксендз Мичкис выпустил брошюру «Война», в которой предлагает следующую молитву для польских войск:

«Господи, даруй силу нашим рукам и меткость нашим пушкам! Сделай невидимыми наши самолеты! Повергни ниц неприятеля, как траву.

Да будут бесплодны и земля их, и женщины. Пусть просят милостыню их сыновья, а дочери да будут изнасилованы!».

Именно, как говорится:

«Одну молитву чудную твержу я наизусть...»

БЕЗОБРАЗИЕ

ПО ПОСЛЕДНИМ сведениям, парижская полиция снабжена газами для разгона демонстраций.

По первому требованию, полиция прибывает к месту назначения, имея при себе ассортимент всевозможных газов.

— Помилуйте, — говорят французские рантье, сдавая квартиры иностранцам, — в доме не только ванны газовые и плиты газовые, полиция около дома и та газовая!

ВСЯКОЕ ТАКОЕ...

○ Некоторые фразы современников неповторимы. Особенно — в присутственных местах.

○ Растение кверху тянется. Бюрократ тоже.

○ Не всякая цель оправдывает средства. Например, в тире, когда выстрел стоит гривенник.

○ Хрупкий стакан подобен модному поэту: и тот, и другой часто лопаются.

○ За морем телушка — полушка, а осел еще дешевле.

○ Хорошие часы напоминают бывшего владельца: долгое время ходят без завода.

○ Гвозди сезона необходимы для каждого театра. Чем же иначе заколачивать над ним потом гробовую крышку?

○ Из неизданных стихов моего тестя:

Собаке пятая нога
Не дорога.
Так что же:
Шестая, стало быть, дороже!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Из книги профессора Некрасова «Города Московской губернии»:

Внешние массы отличаются сложностью, выражающей внутреннюю интегральность. Гладкие стены по странам света несут на четком и легком антаблементе сегментообразные фронтоны; сильно выступающие лизариты... и т. д.

Есть пословица: «Язык до Киева доведет».

Язык книги проф. Некрасова доведет до отчаяния читателей, которые, поверив подзаголовку «Популярный путеводитель», — на четвертой же странице заблудятся в лизаритах, интегральностях и антаблементах...

Поправка к истории гражданской войны.

Эту поправку, правда несколько неожиданную, но достаточно эффектную, вносит сейчас один из популярных молодых поэтов, Иосиф Уткин, в «Стихах красивой женщине»:

Не твоим ли пышным
Бюстом
Перекоп мы защищали?..

Мы слишком слабо знакомы с железными законами стратегии, чтобы утверждать, поскольку «пышный женский бюст», является надежной защитой позиции, но, как известно, Перекоп в свое время мы брали, а не защищали.

Впрочем, тогда это делалось для революции, а не для рифмы...

*

В новом журнале «Радиослушатель» приведены стихи поэта Егорлынского:

Трай-рай, ри-та-тай
Тверже шаг, бодрее!
Трай-рай, ри-та-тай
Тверже шаг, бодрее!

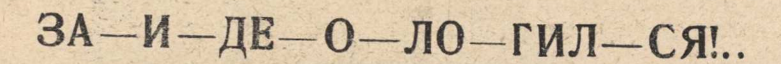
В избитом, заезженном и трафаретном выражении «Тверже шаг, бодрее!» гораздо меньше поэтического творчества, чем в первой и третьей строчках приведенного выше куплета.

Поэтому мы советуем изменить этот куплет таким образом:

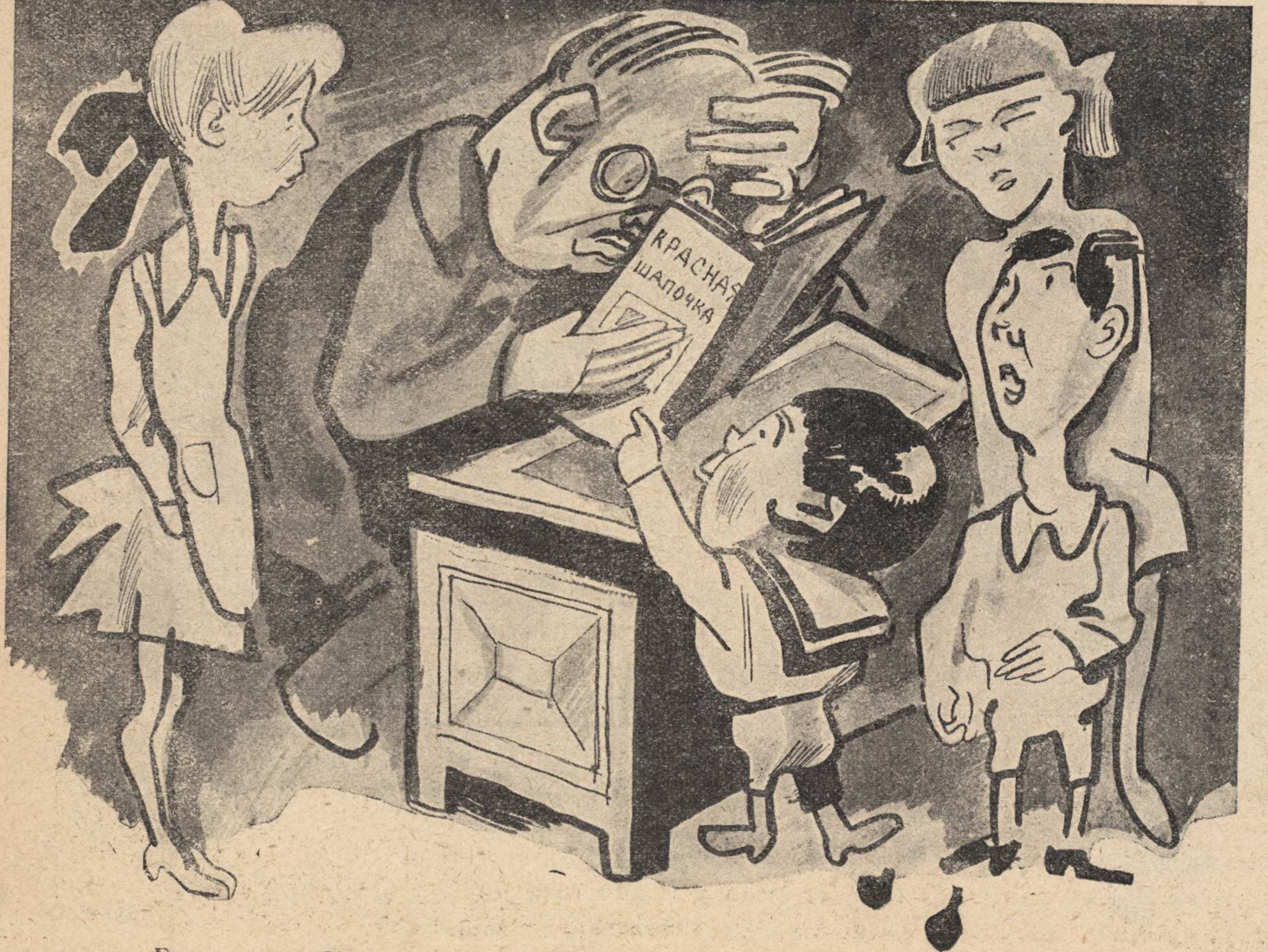
Трай-рай, ри-та-тай,
Ри-та-рай, ти-та-та.
Трай-рай, ри-та-тай,
Ри-та-тай, ти-та-та!..

Под такую песню, в которой нет раздражающих своей шаблонностью слов, — шаг будет, действительно, и тверже, и бодрее!..

Рис. А. Радакова

ЗА—И—ДЕ—О—ЛО—ГИЛ—СЯ!..

— Гм... гм... «Красная шапочка»... Тут еще есть намек на идеологию... Но причем тут серый волк?!

БОРЬБА С РОДСТВЕННИКАМИ

Одинцовский сельский совет Александровск. вол., Владимирского уезда, уведомляет:

> *Настоящим доводим до сведения всех граждан, что общими собраниями граждан постановлено: 1) в д. д. Студинцево и Стариково прекратить приготовление к престольному празднику «Усекновение главы Иоанна Крестителя», 2) в д. д. Одинцово и Брюханово прекратить приготовление к престольному празднику «Рождество богородицы» (8 сентября ст. стиля). В означенные праздники никому гостей не принимать и старый обычай справлять праздник с гостями нарушить навсегда. Об'являя о вышеизложенном, предлагается тем, кто имеет родственников в этих селениях, в указанные праздники в гости к ним не ходить, так как никаких приготовлений к приему гостей не будет.*
>
> *ОДИНЦОВСКИЙ РАЙСЕЛЬСОВЕТ.*

Граждане деревень Студинцево, Стариково, Одинцово и Брюханово, наверное, благодарят Одинцовский райсельсовет и говорят:

— «Наконец-то и на нашей улице праздник: ни тебе родственников, ни тебе гостей!»

НОВОЕ В МЕДИЦИНЕ

Врач Ленинского прииска, Самоцветов, пишет такие рецепты больным:

«Ламадуров, вследствие заболевания, нуждается в скорейшем сокращении с работы».

«Грибанов, по болезненному состоянию, нуждается в сокращении».

При таком лечении надо надеяться, что в скором времени на Ленинских приисках ни одного больного не окажется. А если и найдется больной, то на вопрос: «На что вы жалуетесь?» он, не задумываясь, ответит:

— «На врача Самоцветова!»

ВОТ КОМУ-БЫ КНИГИ В РУКИ!

Из книги «Вопросы и ответы», которая лежит в избе-читальне села Грушевки:

— *«Кто был первый революционер в России?»*
— *К. Маркс и Ф. Энгельс.*
— *«Когда была прусская революция?»*
— *Ее не было. Была парижская.*
— *«Кто председатель сейчас Рабкрина?»*
— *Не знаю. Если знаешь, сам ответь.*
— *«Какие права имеет ячейка?»*
— *Ячейка — это есть руководитель.*

Видать, что в грушевской избе-читальне, кроме книги «Вопросы и ответы», другие и не ночевали.

СТРЕЛОК

Лозунг «Нам нужен меткий стрелок» председатель Зиновьевского окрисполкома, т. Бега, так близко принял к сердцу, что:

едучи из Новгородка в Верблюжку, остановил автомобиль и выстрелил из винтовки. Метил он в собаку, но попал в лошадь, которая мирно паслась. Лошадь была убита.

Сейчас на вопрос поэта: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» можно просто ответить:

— Председатель Зиновьевского окрисполкома!

„НЕВИННО ОСУЖДЕННЫЕ“

Рис. Б. Малаховского

— А у нас сегодня несколько человек задержали.
— За что?
— Неизвестно... Утром в восемь часов пришли за справкою, а их до трех пополудни задержали...

ШЛИТЕ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОТДЕЛА «40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ»! АДРЕС «СМЕХАЧА»: МОСКВА, СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 11.

Издатель — Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК». Адрес редакции: Москва, Страстной бульв., 11. Отв. редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ.

Главлит № А22394. Москва, тип. «Гудок». Заказ № 2085. Тир. 100.000.

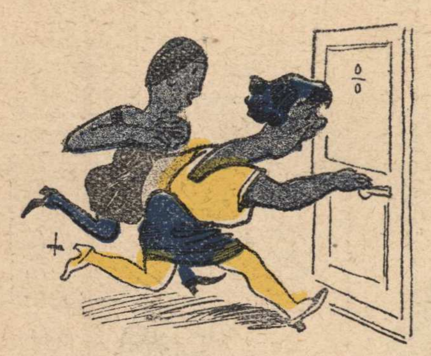
Рис. А. Радакова *Текст Мих. Вольпина*

Каждый внес по три с полтиной,
Ужин выглядит богато:
Студень на огромном блюде,
Колбаса, консервы, вина,
Водка, винегрет, салаты,
Хрен и молодые люди.

**

Общий тон — вполне семейный:
Разговоры, пересуды,

Несмешные прибаутки.
Путешествуют портвейны
Из винторговской посуды
В рюмки, а затем в желудки.

**

Оживляется беседа,
Уменьшаются салаты,
И у всех глаза — маслины,
Смех прыщавого соседа,
Раньше просто глуповатый,
Превращается в ослиный.

**

Две девицы, встав проворно,
Отыскали еле-еле
Ручку очень нужной двери
И под рокоты уборной
Все, что выпили и с'ели,
Изрыгнули в полной мере.

**

Сразу вытянулись лица,
Но при помощи «Рашели»
И карминовой наводки
Злополучные девицы
На глазах похорошели
И накинулись на водки.

**

Стол не нужен. — Кончен ужин...
В гору сложена посуда...
«Братцы, ноги!» Что за леший?!
Под кроватью обнаружен
Гость, неведомо откуда
И когда туда залезший.

**

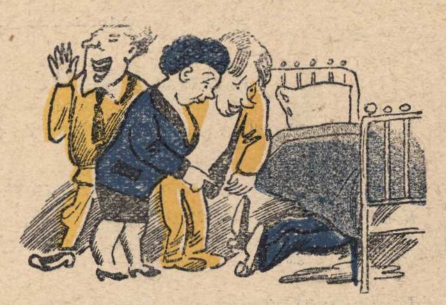
Полуваттное светило
Обмотали для уюта
Промокательной бумагой.
Сразу стало очень мило,
Прямо в ноздри дышет Нюта
Переваренной малагой.

**

Взяв разбитую гитару
И захлопнув двери в сени,
Леля томно об'явила:
«Автор музыки — Антаров,
Автор слов — Сэргей Эсенин!»
И протяжно завопила...

**

А потом играли в фанты:
У меня забрали пояс,
А с девиц снимали шали,
Брали сумочки и банты,
Всех согнали в длинный «поезд»
И вагоны целовали:

Люба—Борьку, Борька—Нюру,
Нюра—Мишку, Мишка—Машку
Без единой лишней фразы...
Со стены глядел понуро
Строгий гипсовый Семашко
На конвейер для заразы.

**

У меня, застарелого скептика,
Поневоле сомненье является:
Не ошиблась ли диалектика?
«Все течет», но не «все изменяется»!..

Михаил Вольпин

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И КОНТРАГЕНТОВ ЖУРНАЛА СМЕХАЧ

Издание журнала „Смехач" с 1 сентября (с № 34) передано Акционерному Издательскому Обществу „ОГОНЕК".

Впредь все заказы, подписку и деньги контрагенты и индивидуальные подписчики должны адресовать: Москва 6, Страстной бульвар, 11 — „ОГОНЕК".

От железнодорожных предприятий, учреждений и коллективов подписка на „Смехач" принимается попрежнему исключительно

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ГАЗЕТЫ „ГУДОК", ЕЕ ОТДЕЛЕНИЯМИ И ВСЕМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ „ГУДКА" НА МЕСТАХ.

Подписная цена „Смехача" для подписчиков „Гудка" НЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ — 50 коп в месяц

Изд-во газеты „ГУДОК". Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК".